

Воскресенье, 17-го января 1910 года.

Сибирская Жизнь

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ВЪ Г. Томскѣ ежедневно, за исключениемъ дней послѣпраздничныхъ.

XVII
годъ издания.

ПОДПИСКА и ОБЪЯВЛЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ: въ Томскѣ: въ конторѣ редакціи (ул. Дворянской и Ямской пер., д. «Сибирская Г-ва Печатная Дѣло») и въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина; въ Петербургѣ: въ конторѣ объявлений Торгового Дома Л. и Э. Метцль и К°, Большая Морская ул., д. № 11, Торгового Дома Бруно Валентина, Екатерининский каналъ, № 18—27; въ Москве: въ центральной конторѣ объявлений Торгового Дома Л. и Э. Метцль и К°, Мясницкая улица, домъ Сытова; въ Варшавѣ: въ конторѣ объявлений Торгового Дома Л. и Э. Метцль и К°, Маршалковская, 130; въ Барвудѣ: въ книжномъ магазинѣ В. К. Сохрева.

Разсрочка годовой платы не допускается.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

12 мѣсяцевъ въ Томскѣ и другихъ городахъ	6 р. — к. за границу 10 р. — к.
9 > > > > >	4 р. 75 к. — > 8 р. — к.
6 > > > > >	3 р. 50 к. — > 6 р. — к.
3 > > > > >	1 р. 80 к. — > 3 р. 50 к.
1 > > > > >	— р. 60 к. — > 1 р. 20 к.

Подписка считается съ 1-го числа каждого мѣсяца.

За перемѣну адреса иногородняго на иногородній взимается 35 коп.

Такса за объявленія: за строку петита впереди текста 20 к., позади 10 к.
Для иногороднихъ за строку петита впереди текста 30 к., позади 15 к.

Объявленія прислути и рабочихъ 20 коп. за три строки.

За прилагаемая къ газетѣ объявленія въ Томскѣ—5 руб., иногороднимъ 7 р. за тысячу экземпляровъ въ сомъ не болѣе одного лота.

Контора открыта ежедневно съ 8-ми часовъ утра до 6-ти часовъ вечера, кроме праздниковъ. Телефонъ № 470.

Редакція для личныхъ объясненій съ редакторомъ открыта ежедневно отъ 5 до 6 ч. веч.

Присылаемая въ редакцію статьи и сообщенія должны быть написаны четко и только на одной сторонѣ листа съ обозначеніемъ фамиліи и адреса автора. Рукописи, въ случаѣ надобности подлежать измѣненіямъ и сокращеніямъ. Рукописи, воставленные безъ обозначенія условій вознагражденія, считаются бесплатными. Статьи, признанные неудобными, хранятся въ редакціи три мѣсяца, а затѣмъ уничтожаются. Мелкія статьи совсѣмъ не возвращаются.

Цѣна № въ 4 коп.

Цѣна № въ 5 коп.
гор. Томскѣ др. городахъ

литике, что Чехов—пессимист, и все его творчество—сплошной грустный звонок, сплошные паники, сплошные бесакции, отчаяние, ась тоска... Кажио надо ничего и тебе ничего».

Эту неуклюже выраженную мысль титарника Чехов выправить удастся героям «Расказа неизвестного».

И, минув подвода к Чеховскому «домашнему» банже, всматриваясь в них пристальнее и без презрения, крикнула понапацу, что она надеялась, что Чехов вовсе не писатель, что во всем его творчестве постоянно теплился и сдержанно трещал званиями радость жизни, любви свободы и труда, нескоршущий вдох в челеовека; что Чехов жил настоящим, живое человеческое счастье, понимал его, и принимал, и благословлял его всеми зонами сердца! Необдуманно пишь, говорится, что, будучи рыцарем и аристократом души, Чехов не понимал счастье не по мышам и не в холодах смысл этого никому онощшного, скажем-то, окружавшего грязинами руками и исключительно прекрасного и звучного слова: «счастье».

С ТАКИМ ЧЕЛОВЕКОМ: «Я готовь был обнять и вынести свою короткую жизнь,—говорить нравственный, все, доступное человеку. Мин хотелось и говорить, и читать, и стучать молотком газ—нибудь на большом звоне, и стоять на захватах и пахать...» В том же рассказе, через несколько странице, тоже лицо воссторженно восклицает: «Мы страшно хочется жить, хочется, чтобы наша жизнь была светла, ясна и торжественна, какая своды небесный... Жизнь является один раз, и хочется прожить ее добро, осмысленно, красиво. Будем жить! солнце не восходит два раза в день и живет не дважды...»

И также же воссторженными томами студента Трофимова мечтает всплыть в «Нишневом» саду: «Обойти то лесное и природное

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ПОДДЕРЖАЛ ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОЕННОГО ПРИЧАСТИЯ

важнейшим признаком счастья, не тою тонкими и облагороженными мыслями, на какомъ ею понимать Чеховъ, создано быть не можетъ. Болѣе того, слава, почести, успехи въ театре—это, даже взятое въмѣстѣ, Чеховъ не можетъ назвать счастьемъ. «Покой и добродѣль счастья не есть его»,—говорить онъ устами доктора Рагина въ пьесѣ № 2—и въ немъ самому. Обыкновенныи человѣкъ ждетъ хорошаго или что изъѣсть видѣть быть спасеніемъ и счастливымъ—вотъ цѣль и смыслъ нашей жизни. Впередъ! Мы идемъ неудержимо къ прѣдѣламъ, къ горизонту тѣлъ, видимъ. Впередъ! Не отставай, другъ».

Частиче и радость жизни, хотя бы моральная, являющиеся для Чехова самоценностями. Человеческая мысль, искусство, молодость, красота, любовь, труль, природа... вот то, что Чехов понимает под счастьем; в нем случае оно удивительно склоняется к знаменитым антическим аллегориям Джонсона Рассининга, который однажды сказал: «Высший пикник — в жизни человека, это: чтобы мечтать, любить и молиться». Неожиданным образом для нас неожиданно воспринята жизнь, а, следовательно, и для воспринять ее надо. Чехов считает присутствие в своей жизни, неизгладимой, на

реквирирующей души. Въ рассказѣ «Въ ссыльѣ» татаринъ говорилъ каторжану Семену: «Богъ далъ человѣку, чтобы живой былъ, и радость была, и тоска была, оре Смѣю, а ты хочешь ничего, значитъ ты не живой въ камене». «О, мылья сестры!—говорить Ирина въ «Грѣхѣ сестрѣ».—Страданія наши перейдуть въ радость для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насъ, счастие и миръ настанутъ на землю, и помнить добрымъ словомъ благословленіе тѣхъ кто живетъ теперь».

—чайка,—утешалась Соня.
—мы услышали ангела
небо и взмазали. Мы
записали все это земное,
запиняя потонуть в мир
которое наполнит собою
счастья, неиздомого, таинства-наго
счастья, опладившего имъ мало по ми-
лу, и жизнь казалась ему восклик-
ательной, чудесной, полной высокаго
смысла!

Такъ, съ горячей любовью къ жиз-
ни и человеку, съ состраданіемъ къ
его мукимъ, Чеховъ перекидалъ
злотой мѣстъ между прошлымъ, на-
стоящимъ и будущимъ; такъ онъ
составлялъ каждую единую душу со
всѣй душою всего міра; такъ онъ
приглашалъ человѣка къ ябностямъ,
къ Богу (въ пантенестическомъ знач-
ии этого слова).

Благословеніе Чеховскаго сердца
ложится и на самое обыкновенное,
незамысловатое, простое человѣче-
ское счастье. Почти каждый изъ двѣ-
стящихъ лицъ его пронизленъ ис-
пытаниемъ чудесной рѣости жизни и го-
ворить объ этомъ съ чувствомъ глу-
бокаго уваженія.

Счастья, неиздомаго, таинства-наго
счастья, опладившего имъ мало по ми-
лу, и жизнь казалась ему восклик-
ательной, чудесной, полной высокаго
смысла!

Такъ, съ горячей любовью къ жиз-
ни и человеку, съ состраданіемъ къ
его мукимъ, Чеховъ перекидалъ
злотой мѣстъ между прошлымъ, на-
стоящимъ и будущимъ; такъ онъ
составлялъ каждую единую душу со
всѣй душою всего міра; такъ онъ
приглашалъ человѣка къ ябностямъ,
къ Богу (въ пантенестическомъ знач-
ии этого слова).

Благословеніе Чеховскаго сердца
ложится и на самое обыкновенное,
незамысловатое, простое человѣче-
ское счастье. Почти каждый изъ двѣ-
стящихъ лицъ его пронизленъ ис-
пытаниемъ чудесной рѣости жизни и го-
ворить объ этомъ съ чувствомъ глу-
бокаго уваженія.

лучи науки, искусства, любви и при-
рода. И замѣчательно то, что даже
состязь ближне людемъ, чье вѣсна уже
сигла, даже они безумно любятъ
жизнь.

«Я люблю жизнь, люблю страсти»,
воскликнулъ больной въ «Падѣѣ»

А молодой ученикъ изъ «Черномъ
монахѣ», умирая, звалъ любимую
августинку Таню, зевая большой съ-
ясь роскошными шѣйтами, обрамленными
россыпью, звалъ паркъ, сосны съ
мокнатыми корнями, ржаное поле,
зевая свою чудесную науку, свою
молодость съѣмлья, радость, зевая
дизайнъ, которая была такъ прекрасна. Онъ
зывалъ на полу, около своего
лица большую лужу кроны, и не могъ
уже отъ слабости выговорить ни одно
слово, но неизрѣмимое, бѣгра-
ническое счастье наизнанку все его су-
щество».

Наука, искусство, любовь, природа — это же главные радости жизни, над которыми умиляются чехословакские герои и геодинами.

И если мы будем таким образом перебирать все, что написал Чехонте, мы увидим, что в каждом его рассказе есть хоть одно, хоть

«Наука — самое прекрасное, самое честолюбивое и интересное из жизни человека», — говорил профессор «Смешной истории» Альберт Швейцер.

— волшебного мира, спрятанного в прошлом и современном. Содержание рассказа ясно: студент духовной семинарии — рассказчик о наступающей ночи, рассказ о деревенских бабах, о любви, истории отречения отца отца, Ильиша — Ильиши, Маша в поэзии «Моя жизнь», Илья в поэзии «Любовь», счастье есть, но, какъ сказочник из речи, оно отчено у людей, брошено и заперто га́й то за семьюдесетью-девяносто-заковко.

«Мени нюнди», — рассказывает «ягоп» о ягопе № 60, — счастье было близко и,казалось, жило со мной паче о плаче.

— «Он ничего не сказалъ мнѣ,—
меттаѣтъ изъблѣненная Соня о сокто-
ри Астрѣй, — лѣша и сердце его все
еще скрыты отъ менѣ, но отчего же
и чувствую себя такой счастливой?»
«Надо слиться въ одно съ этой
роскошной стиѣ, безграничной и
разинушной, какъ вѣчность, — думалъ
Вѣра въ разсказѣ «Въ родномъ
углу», — съ юбками, купальнями и
принцами, пошелъ разыскивать и добы-
вать царство счастья, и погибъ въ
пути. Но путь, по которому онъ
шелъ, — вѣренъ и ненамѣнѣтъ: чѣмъ
давше отъ пошлости — тѣмъ ближе
къ счастью, истинному, тонкому, обла-
городженому.

его душ и она даже
в минуту, чтобы пере-
шлось,—думала она,—
стоящим непрерывною
вой, вытекавших одно
из другого, казалось, что
о вдаль оба конца
второнули до самого
прогноза другой; что
там, направления чело-
века, проложенные
сего дня, и подвижно-
стью, и тогда будет хорошо».
«Я умру, заключает меня из
гроба,—представлять себя героя
рассказа «Крыжовник»,—а миль еще,
кажется, будуть синяться ранний утра,
когда болно глазами от солнца, или
чудные весенние вечера, когда в
силу и за садом кричать соловьям и
дергачам, с деревни доносится гар-
моника, в дом играют на рожки,
шипит рѣка, одиноко словом такая
музыка, что хочется и плачет и
себя дна, и поглощено-
громко пѣть».

возможности различаться вшерпе и
взгляды. «Человеку нужно не три ар-
шинка земли, не усыльба, в весь зем-
ной шаръ, все прираза, гдѣ не про-
сторъ съть могъ бы проигнать себѣ сно-
стей и особенности своего сподобленаго
духа». («Крыжовник»). «Человекъ
долженъ сочинять себѣ выше льготы,
тигровъ, забѣдъ, выше всего въ при-
родѣ, даже выше того, что не въ нити
и кжеются чудесными, иначе онъ не
хочется, а мыши, которые этого
боятся». («Домъ съ мезони-
настѣ и настѣ
голоса, они воѣдѣ
покойной
жене, какъ
зетъ синѣ
будетъ бѣ
символъ
гризли и
обезбѣдѣніи
и чистотѣ
тѣ и радості

Такъ Чеховъ протягиваетъ къ человеческому разуму и сердцу неимущихъ и благотворительныхъ.

спящей», могла бы описать, — къ индивидуальной же работѣ ради также оль неустаннымъ, упорно и зеветь всѣхъ и каждого, тѣтъ, надо работать... — это мысль, повторявшаяся въ количествѣ разъ въ большинствѣ рассказовъ, — просто дошлость, только чтоъ младой женщины встаетъ въ 12 часовъ пить въ постели кофе, часа одѣвается... О, какъ-то! («Три сестры»). «Будутъ труиться для друзей и въ старости, не знаа Диля Наня».

сознательный трудъ — уже самъ является для Чехова радостью жизни; трудъ, о труде завѣщаетъ онъ и

множились Куприна о Чеддо великолепное уединенное место: «Ухаживали и деревнями въ своемъ садикъ», Чехонь говорить: «до меня была пустыня въ Праги, весь въ каминчахъ и т. д. А я вотъ пришелъ къ этой здѣсь культурное.

— Знаете ли, — прибавил серьезнымъ лицомъ, тойкой вѣры, — знаете ли, четыреста лѣтъ вся земля была цвѣтущій садъ, и жизнь необъяснимою красотею...

рибовать что-либо къ этой иллюстраціи того, какъ иль жизнъ, какое влаковъ давалъ сильъ энергіи и трубоокъ вѣрить, что разо вся земля обратится въ пыль.

исчезнувши, течет время, годы. Пройдут долгие годы, триста-четыреста летъ, и будетъ «забудутъ наши и сколько насы было», къ тому времени новое поколѣніе и съѣтлое имена предупредитъ забывъ, будь-надъ ними...—иже Чеховъ, искрѣннѣй, какъ яркій захватывающаго стремленія изъ юности придаленнаго, яко прозаїкъ, къ сюжету новой жизни, къ красо- и, къ небу и вѣчности.

Г. Виткин